

ФИЛОСОФСКОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ ИНДУСТРИАЛЬНОГО НАСЛЕДИЯ УРАЛА

В. И. Кашперский

ИСТОРИЯ ФАКУЛЬТЕТА ГУМАНИТАРНОГО ОБРАЗОВАНИЯ КАК ЗЕРКАЛО ДЕИНДУСТРИАЛИЗАЦИИ НА УРАЛЕ

Феноменологический очерк, или новейшая история России в личностном прочтении.

Подобно тому, как факультет общественных наук УПИ (ФОН) выражал потребности индустриального общества, каким было советское общество кануна 80-х годов прошедшего века, его правопреемник факультет гуманитарного образования стал выразителем новой тенденции, связанной с началом деиндустриализации Урала. Пока что эта тенденция только намечается, да и едва ли Урал и его столица Екатеринбург в обозримом будущем перестанут быть промышленным регионом страны, – скорее речь может идти о неиндустриальной фазе промышленного развития, опирающегося на инновационные технологии, эффективный менеджмент и развитие программного обеспечения.

Хорошо помню, как учили в техническом вузе 60-х годов. Учился я в киевском политехническом, пройдя жесткий конкурс (проходной балл был 24 из 25 возможных). Стилем преподавания, набором дисциплин, утвердившимися приоритетами меня научили-таки пренебрежительно относиться к истории, философии, не говоря уж о литературе, живописи, поэзии, – и благоговеть перед техникой. Вуз выбрал технический, потому что все мы в школе грезили грандиозными перспективами технологического переустройства мира, специальность – по модному тогда среди медалистов принципу поступать туда, где конкурс выше. А после окончания института, будучи потомственным киевлянином, твердо решил ехать на работу в индустриальный центр страны, на Урал, в Свердловск. Правда, сейчас могу сказать: кто-то или что-то охраняет нас от безнадежной односторонности и самонадеянности.

Не безнадежность подарил мне Гегель – прочтя в одиннадцатом классе (попал под эксперимент; это был единственный такой год в СССР 60-х) восьмой том Стоппинерского издания, я был очарован его философией истории. И как-то зимой, уже студентом, приснилось мне иссиня-черное беззвездное небо, на котором будто искрящейся кометой яркими огненными буквами было выведено два слова: «Абсолютная идея». Думаю, тогда этот образ был вполне рационалистическим и технократическим, порожденным верой в абсолютные возможности человеческого разума. Впоследствии же сыграл решающую роль – поработав после окончания вуза конструктором ракетной техники, я попал как-то на семинары А. М. Мосорова, работавшего тогда на кафедре философии УПИ, и ощутил спеленутость собственного разума, состоящую в жесткой технологической предданности того, о чем думаю, чего хочу и к чему стремлюсь. И пришел на кафедру

философии УПИ. Г. В. Мокроносов, ее бессменный заведующий с момента основания, предстал могучим и мудрым предводителем сказочного кафедрального мира. Здесь, как и сегодня, хлопотала внешне неброская, постороннему взгляду незаметная жизнь духа.

Хорошо помню дискуссии на теоретических семинарах. Каждый должен был изредка докладывать о своих умных идеях, ему задавали уйму не менее умных вопросов. Блестали яркими и неожиданными мыслями, каждый по своему, Т. Г. Гайдурова, Н. П. Соколова, Д. Т. Поздняков, Р. Р. Москвина, В. Е. Кемеров, М. Н. Панфилова, Н. С. Кузнецов, Л. Л. Нерезова. Уже тогда кафедра стала для меня олицетворением философии и поиска человеческого смысла происходящих в стране и в мире событий.

Я не могу сказать сегодня, что курс марксистско-ленинской философии был плох или несостоятелен. Он был выражением того времени, той эпохи, в которой прошла наша молодость. Это относится и к другим общественно-научным курсам, наполненным неудержимым оптимизмом. Мы все (или почти все) верили в скорое освоение космоса, превращение пустынь в цветущие сады, подчинение и укрощение ядерной энергии. И даже в руководящую и направляющую роль партии. Это уже история, но именно та часть всемирной истории, которая определяет сегодняшнюю жизнь, – моих коллег и мою собственную. Я стал членом КПСС, верил в грядущую победу коммунизма, работал в идеологическом отделе парткома, возглавлял Совет молодых ученых. На кафедре, в институте большей частью обычно и проходило время с половины девятого утра до восьми-девяти вечера.

Конечно, членство в КПСС было добровольно-вынужденным, ибо считалось – если ты не член или хотя бы не кандидат в члены единственной до конца революционной силы современности (тогдашней современности, жесткой, требовательной, жаждущей полного владения своими субъектами мышления и действия), силы руководящей и направляющей, какой хотела и пыталась быть КПСС, – то и не можешь, не должен, не имеешь права философствовать, во всяком случае публично. А тем более – рассуждать об истории партии или научных проектах построения коммунизма. Эта ссылка на научность особенно парадоксальна – ничто не было так далеко от науки, чем индустриально-технократические проекты будущего, и ничто не принималось без «всестороннего научного обоснования». Я полагаю, не раскрытая еще суть супериндустриализации и сугубо отраслевого развития экономики, какой она стала в условиях тоталитарной власти, состоит в превращении сущего в должное, – в сознании идеологов, разумеется, а не в самой действительности. Мировоззрение прогрессизма приобретает своеобразную форму жизни («в законе», когда идеологический авангард всерьез полагает, будто то, что признано закономерным, «должно быть» достигнуто. В том числе и планомерное изменение человеческой природы, сущности.

Авангард – мощная партийно-комсомольская вертикаль власти – требовал лояльности от своего «идеологического резерва». А сотрудники кафедр общественных наук, к коим была отнесена и кафедра философии, рассматривались в качестве такого резерва всеми звеньями партии, от политбюро ЦК КПСС до обкома-райкома-парткома. Индустриально-технократическое сознание, распространяясь на все стороны жизни, полагает возможным и необходимым контролировать не одни лишь технологические процессы в производстве, но и «технологии» человеческого поведения. Контроль стремился к тотальности: о каждом знали в

идеологических и в орготделах, и не в них одних. Мы ведь не только студентов учили с аспирантами, но и бесчисленное количество раз читали лекции, проводили беседы, сеяли «разумное, доброе и вечное» в головах непартийных масс, для чего существовало общество «Знание». Верили сами (во всяком случае, многие) и убеждали других, что империализм загнывает и вот-вот сгинет, что коммунизм, по меньшей мере в СССР и странах социалистического содружества, наступит уже при жизни тогдашнего поколения.

Помню, как после принятия в 1977 году новой («брежневской») конституции мы с недоумением обсуждали тему усиления роли государства – как же так? По теории должно отмирать, почему же предусматривается дальнейшее усиление всех полномочий государственной власти? Помню и удивительную формулу, предложенную, по-видимому, главным идеологом партии Михаилом Сусловым для «снятия» этого парадокса, – диалектическую формулу «отмирания через усиление».

В 1975 году кафедры истории КПСС, научного коммунизма и политической экономии вместе с нашей объединили в факультет общественных наук – ФОН. Задача ставилась – обеспечить взаимосвязь и преемственность курсов с выведением на общий их итог, которым стал выпускной и обязательный для каждого будущего инженера экзамен по научному коммунизму. Понимание основополагающей роли философской подготовки руководством УПИ, как мне кажется, частично отразилось в том, что первое десятилетие факультет бессменно возглавлял Г. В. Мокроносов. И на кафедре, и на факультете он умело сохранял дух творчества, желая разобраться в том, что происходило в стране, сохраняя одновременно ту необходимую дистанцию, которая отделяла наши дискуссии от «идеологических ошибок».

Современному читателю нужно пояснять, что все эти дискуссии действительно были небезопасны. По меньшей мере, небезопасны для сохранения социального статуса их участников. Хорошо помню: когда уже в 1985 году доцент кафедры истории КПСС Перепелицын после избрания генеральным секретарем КПСС Горбачева на вопрос студентов ответил, что из одиннадцати членов политбюро пять голосовали против назначения, информация об этом прилетела в партком раньше, чем он сам пришел на кафедру. Спустя несколько дней этот преподаватель был за распространение ложных слухов, подрывающих доверие к единству политбюро КПСС освобожден от работы без права преподавания общественных дисциплин в вузе. А у него было двое малых детей. Как ни горько это признавать, страх был лучшим проводником авторитарного принуждения и побуждения, всей партийной политики, и этот страх в «идеологическом активе партии» искусно поддерживали.

Помнится, пригласили меня, молодого кандидата наук, провести методологический семинар с медиками на Банковском переулке. И затеял я дискуссию об эвтаназии, суициде и прочих вещах, реально присутствующих в нашей жизни, но к обсуждению не санкционированных «сверху». Хотелось дать врачам свободно высказаться, услышать их мнение. И вот смотрю – уважаемый хирург, профессор медицины и директор крупного лечебно-восстановительного центра, пригласивший меня, как-то странно и робко, почти с ужасом подмигивает, косит куда-то глазом. Как оказалось, не предупредив, на семинар пришел инструктор тамошнего райкома партии. Досталось мне после семинара! Сей разумник снача-

ла и говорить со мной не хотел («с вами поговорят в другом месте»), и только моя настойчивость заставила его пояснить, что, например, нездоровые дети при развитии социализме не рождаются, а если изредка и рождаются, то это ненадолго, до тех пор, пока не станет совершенно совершенной социальной профилактика. О генетике и врожденных патологиях этот муж и слушать не хотел; ибо воспитан был на идеалах Трофима Лысенко, а вот пугать и страшить ему явно нравилось

Мне думается, и поныне страх, затаившись, сидит во многих моих коллегах среднего и старшего возраста. Но УПИ, хоть и был (и остается) крупнейшим вузом города, все-таки политех: при всей лояльности к идеологии требования к «обществоведам» со стороны парткома и администрации не были такими жесткими, как в гуманитарных вузах. По этой же причине в качестве секретарей парткома у нас были возможны такие люди, как, например, Александр Кружалов, в котором вынужденная жесткость сочеталась с подлинной человечностью. Но главное наше кафедральное преимущество состояло в ином, в нашем бессменном с основания кафедры руководителе, прошедшем всю Вторую мировую вплоть до освобождения Китая от японских оккупантов и много повидавшем и понимающим.

С конца 60-х годов создавалась достаточно крамольная по тем временам и трудно состыкуемая с практикой социалистического строительства теория приоритетности человека как индивида и личности в жизни общества и государства, на кафедру принимались «запятнавшие» себя диссидентскими наклонностями молодые выпускники университета. Помню, когда будущий первый и пока единственный государственный секретарь России эпохи Ельцина Геннадий Бурбулис пришел на кафедру, «запятнав» себя в годы учения в УрГУ открытыми и острыми студенческими молодежными дискуссиями, некоторых из нас вызывали «для беседы» в кабинет руководителя первого отдела. Молодой, жесткий по стилю разговора лейтенант (его звание я узнал позднее, а тогда это был для нас просто представитель тайнственного КГБ) добивался «компромата» относительно идеологической неблагонадежности Бурбулиса, что позволило бы легко уволить его с работы с «волчьим билетом», то есть с запретом на право когда-либо впредь преподавать философию.

Разумеется, и на кафедре были жаждущие чужой крови, коих вспоминать мне вовсе не хочется. Тот же лейтенант первым делом доверительно сообщил мне, что «имеются сигналы». В этом, наверное, и состоит трагедия нашего общества: людей, подающих «сигналы» злобы, зависти, готовых «заложить» ближнего после победы ГУЛАГа как выдающегося эксперимента пост октябрьского периода в России было и остается предостаточно. Были они и у нас. Но кафедра осталась кафедрой: в итоге всех разговоров Бурбулиса оставили-таки в покое.

Перехожу к периоду наиновейшему. Наиболее трудными для новейшей истории России и для нас, собственной жизнью ее воплощающих, были годы разгосударствления собственности. Трудными для образования, трудными для преподавателей. Уходил в прошлое привычный образ жизни, умирала традиция, впереди брезжило нечто неизведанно – новое, обещающее расцвет России. Мало кто понимал тогда, что происходит распределение госсобственности среди наиболее «предприимчивой» номенклатурной элиты. Мы ведь искренне поддержали начинания Ельцина, из рядов факультета в его московскую команду решительно ушли Геннадий Харин, в буквальном смысле сгоревший на этой работе, Людмила Пихоя (теперь Батурина) – легендарная Анжелика времен перестройки и еще

несколько гуманитариев – представителей «альма – матери» первого президента России.

Речь веду сейчас не о том, что получилось в результате, а лишь о внутреннем раскрепощении, которое мы испытали и которое, хочу надеяться, останется нашим достоянием и в будущем. Я и сегодня благодарен этому времени утверждения столь непривычного ранее свободного мышления, духа независимости, – того, что позволило и нам здесь, на кафедре, факультете преобразить дух и характер учебного процесса.

Наверное, естественно было, что фундаментальность изменений в стране в числе первых осознали преподаватели социально-гуманитарных дисциплин: рушилась система ценностей, мировоззренческих ориентиров; прежняя идеология была объявлена ошибочной. Правда, когда пришли первые неприятности, мы же и пострадали первыми: некоторые коллеги с технико-технологических факультетов и кафедр как-то враз пришли к выводу, что во всех бедах и напастях нового времени виноваты, конечно же, обществоведы. Это угнетало. Кто-то ушел с кафедры «в бизнес», как Людмила Селина, вместе с мужем и тоже философом открывшие филиал банка. Или как мой талантливый аспирант Игорь Сорокин, ныне не менее талантливый бизнесмен. Кто-то – в большую или не очень большую политику, как Геннадий Бурбулис, Александр Аулов. Но в основном почти все остались, поверив ельцинскому «указу № 1». Надо же, гарантии системе образования России прошли первым указом первого президента! Да какие гарантии! И ни одно обещанное и гарантированное на высшем уровне обязательство так и не было выполнено. Но тогда мы об этом не знали. Много понимали, но в ошибках видели издержки, в богатстве страны – залог ее процветания и обеспеченности граждан.

Замечу, что сам я не склонен негативные последствия новой политики списывать исключительно на ошибки или тем более умысел власти, – скорее следует говорить о ее, власти, недальновидности и непонимании последствий проводимых изменений. Недальновидности ее ведущих в тот момент истории представителей (имею в виду и опытного в аппаратных играх Ельцина, и совсем в этих делах неопытного Бурбулиса, и многих других) в сознании силы цинизма и продажности номенклатуры. Непонимании того, насколько неразвитой была 10 лет тому назад (и, к сожалению, остается сегодня) политическая и экономическая культура вчерашних жителей «первого в мире государства развитого социализма»; включая и их самих, насколько деформирован был (и, к сожалению, все еще остается) внутренний мир советского человека, с одной стороны, верой в силу индустриального развития, приверженностью к мифологии, к утопическим верованиям и надеждам, с другой – чинопочитанием, отсутствием подлинной готовности к личной ответственности, привычным патернализмом и вместе с тем рас пространенной среди многих настроенностью взять то, что плохо лежит.

Многие наши люди и сегодня продолжают хотя бы уголком сознания верить, что коммунизм как форма государства возможен, что изобилие и всеобщее равенство достижимы, что у России особый путь и особая миссия в мире. И что, если у кого-то чего-либо много, то справедливость состоит в том, чтобы отобрать и разделить. Отсутствие политического воспитания, образования и культуры дальнего общения сплошь «вышедших из народа» творцов перестройки приводило к тому, что они начинали свою деятельность на новом поприще (в го-

сударственной ли думе, или же в окружении президента, в правительстве) с решения вопросов самообеспечения и собственных гарантий на будущее.

В этих условиях произошли кардинальные изменения в жизни факультета. В 1990 г. возникла ситуация распада содержания, а затем и структуры преподавания «общественных наук» – истории КПСС, марксистско-ленинской философии, политической экономии и научного коммунизма. Заговорили о предстоящем роспуске факультета общественных наук. Уволился и перешел на другое место работы декан Алексей Титков. Желая сохранить людей и потенциал, на кафедре философии была разработана концепция реформирования факультета, учитывающая как изменение содержания преподавания на традиционных кафедрах, так и поэтапное введение новых курсов – культурологии, психологии, с созданием в пределах имеющегося штатного расписания факультета новых кафедр.

Будучи к тому времени доктором философских наук, профессором, я дал согласие возглавить и реформировать имевшуюся структуру, предложив сформировать факультет гуманитарного образования. Благо люди на распадающемся ФОНе были замечательные, многие работали на других кафедрах, имея кафедру философии в качестве прародительницы, – начинали когда-то с преподавания философии. Да и в тот момент в рамках кафедры находились секции психологии, культурологии, включая Владимира Харитонов, Надежду Попову, а несколько позже – приглашенного мною на факультет Владимира Антропова, ныне декана экономического факультета в одном из ведущих вузов города. При этом администрация в лице ректора Станислава Набойченко и его ближайших заместителей осознавала острую необходимость «что-то делать», появилась мечта о переходе к статусу технического университета, что предполагало оперативное реформирование образовательного процесса при усилении в целом блока социально-гуманитарных дисциплин.

Кафедра «дала добро» снизу, ректор – сверху, и эта значимая для меня поддержка стала основой грядущих изменений. Решающую роль, как оказалось впоследствии, сыграло согласие стать моим заместителем Елены Степановой, тогда доцента кафедры, ныне доктора философских наук, одного из ведущих в России специалистов в вопросах философии религии. Именно ей принадлежала неожиданная идея создания на новом факультете в качестве системообразующей кафедры менеджмента, с приглашением на заведование невостребованного на соседнем инженерно-экономическом факультете доктора экономических наук и крупного специалиста по управлению большими системами (проджект – менеджменту) Юлия Эткинда.

И закипела работа по составлению и обоснованию новых учебных планов, стратегии и тактики подготовки специалистов нового профиля, а для меня – еще и по убеждению руководства технического вуза в необходимости нетрадиционного математического и информационного (компьютерного) обучения, изучения двух иностранных языков, по «выколачиванию» для неимущего факультета помещений и аудиторий и т.п. Что мешало более всего? Мощное сопротивление руководителей инженерно-экономического факультета, увидевшего в нашей деятельности посягательство на его прерогативы, скепсис собственных коллег (некоторые заведующие кафедрами еще несколько лет не верили, что у нас что-либо получится), частая нерешительность в поддержке администрации.

Это теперь мы знаем, что УПИ стал УГТУ, что ФГО – сильный выпускающий факультет с самым высоким проходным баллом при поступлении и столь же высокой текущей успеваемостью, с уже двумя успешными выпусками; факультет, давший мощный импульс гуманитаризации образовательного процесса во всем университете. Уже и на технических факультетах готовят гуманитариев, как, например, социальных работников и лингвистов на физтехе. Уже и инжеки ряд лет не инжеки, а – факультет экономики и управления. Но это пришло после. К сожалению, ушел из жизни, буквально «сгорел» с нажитой язвой Юлий Львович Эткинд. Но историю, как принято говорить, не остановишь, – на ФГО уже пять выпускающих кафедр, достойный и уравновешенный декан Владимир Запарий, а дело Эткинда успешно продолжает Ирина Котляревская.

Напомню, что ФГО остается центром социогуманитарной подготовки студентов и аспирантов всего университета. И это была тогда другая, не менее существенная сторона нашей деятельности. Ввели спецкурсы для третьего и четвертого лет обучения – возможной второй ступени подготовки бакалавров, что подразумевало углубленную и специализированную проработку отдельных, избранных проблем из знаний, полученных студентами при изучении базовых курсов. Причем на новом факультете родилась идея – сделать эти курсы частично-элективными, проще говоря – обязательными для изучения после того, как студенты самостоятельно их выберут. Тогда я надеялся, что эта форма получит распространение и при изучении других общеобразовательных и специальных дисциплин, что значительно приблизило бы образование в УГТУ к мировым стандартам. Увы, этого не произошло, так как сопровождалось очевидными неудобствами для преподавателей, и факультеты нас не поддержали. Даже наши факультетские преподаватели вскоре стали роптать – на каком-де основании студенты дано решать, что им слушать? А профессора и доценты должны их убеждать, рекламировать собственные курсы? В институте же (прошу прощения, в университете) весьма популярные и нужные курсы сразу стали притчей во языцех, старшее поколение преподавателей их не приняло, часто по чисто внешним признакам.

Помню, как часто мне, декану, высказывали претензии коллеги-деканы за то, что я считал достоинством гуманитарных спецкурсов – их авторский характер. С какой стати в общественных науках (нас и до сих пор кое-кто называет представителями ФОНа, а не ФГО) допускать самовыражение профессуры? В учебном процессе допускать возможность излагать результаты собственных исследований какого-нибудь доцента по кафедре философии, да еще с претенциозными названиями типа «Кровь и эротика»? Кстати, этот курс доцента Алксандра Лобка мне поминуют и сегодня. Я часто думаю – почему? Почему многие люди, отмеченные кандидатскими степенями и доцентскими званиями (профессора, кстати, гораздо реже), бывают нетерпимы к гуманитарным дисциплинам? Металлурги и электрики, радисты и технологи, даже некоторые специалисты по, казалось бы, близкой к гуманитарной сфере экономики и управления. Причем со многими у меня нормальные личные отношения, а вот когда речь заходит о гуманитарных курсах – снисходительно кривятся, оговариваясь, что-де я-то их человек, потому что вуз закончил по технической специальности. А вот другие... Вот они, плоды обожествления индустриализации!

Из бесед с коллегами – «технарями» (не обижайтесь, те мои друзья с технических факультетов, кому на глаза попадутся эти строки; технарь – это не прозви-

ще и не кличка, а образ мышления и символ индустриально-промышленного развития) могу сказать следующее. Во-первых, в России научное сообщество все еще поражено болезнью технократизма, а в теоретическом мышлении – сциентизма. 70 лет советской власти плюс наши же усилия (а старшее поколение, в основном и составляющее сегодня преподавательский корпус вузов, помнит именно те курсы, которые изучались тогда, с их претензией на абсолютную доказанность и неотвратимость наступления всемирной коммунистической эпохи) породили в научно-преподавательской среде в 90-е годы реакцию винить во всех бедах СССР, а затем России общественные теории, сохраняя при этом глубинную сциентистскую ориентацию на всеислие теоретического разума в их собственной области.

Индустриализация СССР была необходимым этапом развития страны в тех условиях, которые сложились в результате гражданской войны, а затем внешней угрозы со стороны Германии времен Гитлера. Но сейчас совсем иное время. Глобальные проблемы, экологический кризис все еще не осознаны как начавшийся процесс разрушения классической рациональности и грядущей неустойчивости существования сопутствующих ей человеческих качеств во всех областях познания и действия. Человек индустриальной эпохи, узкий специалист в своей области и технократ, становится тормозом для развития страны, ибо способность к свободному принятию ответственных решений, смелость и готовность отстаивать личную позицию несовместимы с технократической моделью подчинения авторитету и действий в узких рамках регламентированных полномочий. Во-вторых, отраслевое развитие науки и промышленности в бывшем СССР при директивном управлении и авторитарном режиме власти не могло не привести к признанному среди специалистов перекосу в структуре подготовки кадров. Если в Европе, Японии или США инженеров готовят 8-12%, то у нас до недавнего времени – свыше 40% (допускаю, что эта цифра сегодня чуть ниже за счет негосударственных вузов). И наоборот, если у них 40-50% выпускников социальное – гуманитарное и экономического профиля, у нас таких все еще менее 15%. Отсюда понятна мифология ненужности или бесполезности гуманитарной культуры, изучения социально-гуманитарных дисциплин в вузе и т.д. Это уже наша болезнь, отечественная. И в – третьих. Конечно же, вышесказанное об идеологических и политических условиях работы обществоведов в советское время не могло не сказаться на характере многих из тех, кто пробивался в то время к степеням, званиям и должностям. Бывало, успеха достигали наиболее циничные и беспринципные.

Я уже говорил о том, что УПИ в этом отношении – в известной мере оазис среди иссушающей пустыни, но общая обстановка не могла не сказаться. Во всяком случае, не кривя душой могу сказать – интриг и скандалов мне за годы деканства уже в 90-е годы пришлось пережить немало. А то, что не начальствующие преподаватели спасли факультет своим самоотверженным и по сути бескорыстным каждодневным трудом, так это было и остается не очень заметным, ибо на поверхности, как известно, пена, а не содержание.

Нужно сказать, огромную помощь мне как декану своей неизменной поддержкой и терпением оказали коллеги – деканы технических факультетов Аскольд Бекетов, Юрий Тулаев, Анатолий Матерн и некоторые другие. Они понимали, как трудно вчерашним членам ГЭКов по научному коммунизму, десятилетиями излагавшим студентам стандартные положения «трех источников – трех составных частей» марксизма-ленинизма плюс не менее стандартные «аргументы

ты и факты» из истории КПСС, осваивать новую историю и новую теоретическую базу учебного процесса. И я испытываю величайшую благодарность по отношению к этим людям. А упомянутый курс «кровь и эротика», как и целый ряд других кафедральных курсов с иной ориентацией («деловая этика», «мода и реклама» и др.), был замечательный, его посещало много студентов, которые остались благодарными Лобку. Сам же он вынужден был уйти на другое место работы, учит детей в школе, защитил по своей собственной методике обучения младших школьников докторскую диссертацию.

Еще несколько слов о поддержке руководства университета. Я понимаю сегодня, как трудно было ректору и его заместителям поддерживать ФГО в условиях кризиса ряда традиционных технико-технологических специальностей и факультетов. Я понимаю, что мы нечаянно стали авангардом перехода от индустриальной эпохи России к деиндустриальной (некоторым нравится говорить – постиндустриальной, но я полагаю, это не вполне корректно; в Уральском регионе происходит не отказ от промышленности и технологий, а их смена качественно иным промышленным потенциалом, отличным от прежнего). Но считаю, поддержка могла и должна была стать более решительной. Реально же чаще она состояла в невмешательстве, и лишь много реже – в разрешении таких замечательно-крамольных вещей, как, например, замена семинарских занятий консультациями, когда таким способом нам удалось на целый семестр слегка разгрузить преподавателей, потребовав от них за это время проработать и освоить новые базовые курсы.

Мы сделали-таки свое дело! Уже в 1996 году, при первой аккредитации вуза в качестве технического университета, в справке комиссии минобразования было сказано – факультет состоялся, а вместе с ним состоялся и университет, ибо соответствующий блок социально-гуманитарных дисциплин имеется, а их преподавание ведется на высоком уровне. И это уже в значительной степени заслуга не только тех, кто старше, но и тех, кто моложе меня. Сам факт того, что факультет состоялся, стал результатом совместных усилий всех заведующих кафедрами, а их сейчас на факультете восемь, и моих первых помощников – заместителей декана, руководителей различных советов и комиссий. Кафедра и в этом осталась лидером: без ее доцентов Елены Степановой, Надежды Коноваловой, Тамары Кузубовой, без членов Ученого совета факультета Мокроносова и Москвиной факультет не был бы тем, что он есть. Особая историческая роль – еще раз хочу подчеркнуть это, – принадлежит Степановой, доктору наук, автору ряда переведенных на другие языки монографий. В этот же период моим заместителем по научной работе был нынешний декан, профессор, заведующий кафедрой истории техники Владимир Запарий.

Ну вот и все. Время быстро летит. В конце прошлого века (в 1999 году) совместно с философским факультетом УрГУ усилиями преподаватели ФГО и в особенности кафедры философии превосходно провели Второй Российский философский конгресс. Говорю об этом с гордостью и без всякого преувеличения, ибо еще в 1998 году мало кто всерьез воспринимал эту возможность. А еще потому, что деиндустриализация промышленного Урала – это и проведение на базе технического вуза философских, социологических, культурологических конгрессов. Это рост роли гуманитарных курсов и авторитета кафедр ФГО, уважения к ним и понимания значимости гуманизации различных сторон нашей жизни. Убе-